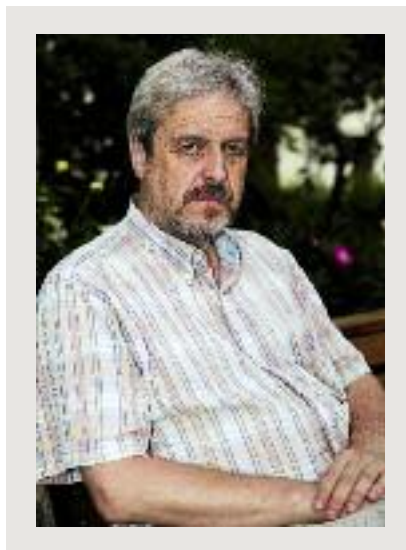

Ма Юань. Весной на горной тропе. Конец XII – первая четверть XIII века

СИНЕРГИЯ

и грядущее евразийское содружество

В Азии больше всего поражают, во-первых, великое разнообразие языков, народов, культур и, во-вторых, способность этих народов и культур свободно уживаться в русле прочного, настоящего на тысячелетиях, сочащегося всеми ароматами жизни быта. Наблюдая этот человеческий океан, можно понять, что основой его непривычного, малопонятного для европейцев уклада, в котором единство и многообразие не просто сосуществуют, но именно обуславливают и пронизывают друг друга вне юридических формальностей, является ритуал как принцип и норма общественной практики. Ритуал есть прежде всего коммуникация, но коммуникация особого рода, утверждающая единство через разделение взаимодействующих сторон. Ритуал обещает встречу именно

Владимир Вячеславович Малявин – доктор исторических наук, профессор Тамканского университета (Тайвань), научный руководитель Института исследований развивающихся рынков Московской школы управления **СКОЛКОВО**

несоизмеримых величин. Отсюда его первостепенная роль в регулировании отношений не только между индивидами и сообществами, но также между государствами и даже целыми цивилизациями.

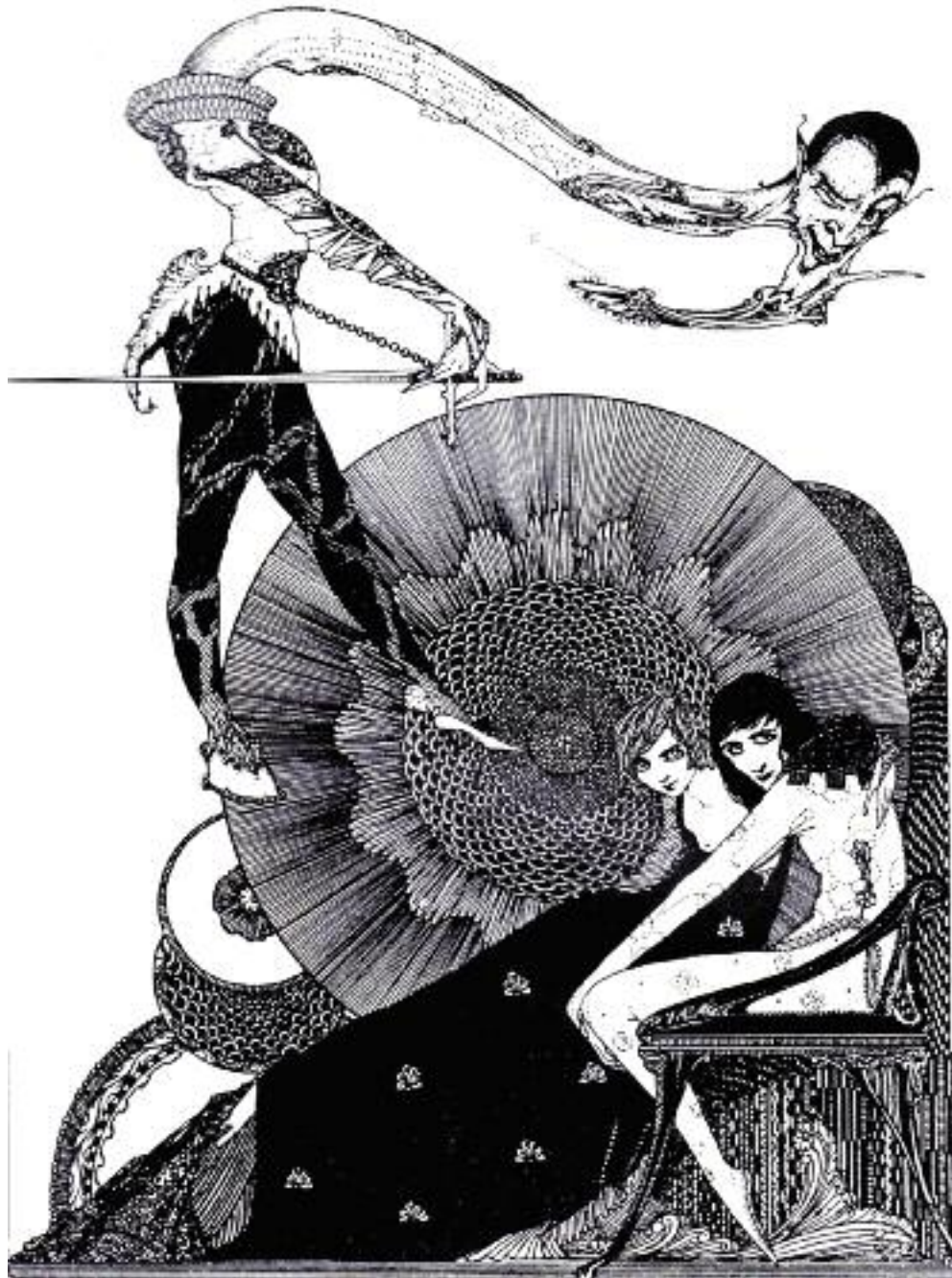
Азия с древности считалась «первой частью вселенной», и, надо думать, неслучайно: великие азиатские цивилизации сохранили органическую связь с наиболее фундаментальными, глубинными основами психической жизни человека. Азиатские религии и культурные традиции воспитывают в личности чувство причастности к родовой полноте существования, требуют от нее вернуться к состоянию блаженной самодостаточности младенца в «утробе мира» и учат коммуникации интимной, бессловесной. Спор между фаустовским человеком Запада, разрывающим пути природы и стремящимся к господству над ней,

и «ветхим Адамом» Востока, живущим в с-мирении, то есть в мире с миром, стар как сама история и, по-видимому, не разрешится, пока история не придет к концу.

Несмотря на давность спора между западным и восточным типами мирознания, реальные последствия различий между ними всё еще недостаточно продуманы и осознаны. Факт неудивительный: слишком глубокие корни человеческой психики и практики он затрагивает, слишком многое поставлено на карту для обеих сторон. Но сегодня, в момент явного исчерпания интеллектуальных ресурсов западного Модерна – момент, заставляющий Запад отказываться от прежних догм и открываться, часто помимо своей воли, более аморфным и гибким мировоззренческим установкам Востока, – складываются как никогда благоприятные условия для диалога Запада и Востока и выработки основ действительно глобального мира, в котором эта фундаментальная оппозиция человеческой истории преобразится если не в логически стройный синтез – что, скажу сразу, представляется крайне маловероятным, – то, по крайней мере, в некую целостную мыслительно-духовную конфигурацию. Такая смычка и станет моментом начала глобального мира.

В ряду понятий, знаменующих преодоление классической интеллектуальной традиции Запада, видное место принадлежит понятию синергии. Сегодня оно широко применяется и в естественных, и – хотя в меньшей степени – в гуманитарных науках. Некоторыми отечественными учеными выдвинуты концепции «синергичной антропологии», «цивилизационной синергии» и т. п. Отдельные историки и востоковеды отмечают роль принципа синергии в организации евразийского геополитического и цивилизационного пространства. Но понятие синергии еще не стало предметом систематического исследования применительно к социокультурным, цивилизационным или геополитическим отношениям. Между тем именно синергия, как можно предположить, является ключом к пониманию самобытной природы евразийской общности.

Синергию часто называют принципом организации – или, точнее,

Спор между фаустовским человеком Запада, разрывающим пути природы и стремящимся к господству над ней, и «ветхим Адамом» Востока, живущим в с-мирении, то есть в мире с миром, стар как сама история и, по-видимому, не разрешится, пока история не придет к концу

самоорганизации – сложных систем самой разной природы: от хаоса микромира до живого тела. Этимологически этот термин означает содействие, сотрудничество, но он получил самостоятельную жизнь, вероятно, вследствие того, что в отличие от сотрудничества относится к связям и отношениям, лежащим за пределами рефлексии, полностью спонтанным и на первый взгляд не поддающимся сознательному регулированию. Принято также считать, что синергия обозна-

чает общий эффект взаимодействия различных сил, который превосходит их простую сумму. В этом смысле синергия почти совпадает с творческой деятельностью. Я не буду говорить о природе и сущности синергии в теоретическом плане, а сосредоточусь на двух аспектах этого явления, которые особенно важны для исторического исследования: метафизических предпосылках синергии в человеческой практике и ее последствиях для истории культуры. →

В момент исчерпания интеллектуальных ресурсов западного Модерна, заставляющий Запад отказываться от прежних догм и открываться более аморфным и гибким мировоззренческим установкам Востока, складываются как никогда благоприятные условия для диалога Запада и Востока и выработки основ действительно глобального мира

➔ С точки зрения философских оснований евразийского миропонимания принцип синергии проявляется прежде всего в отсутствии в азиатских традициях метафизических систем, основанных на логике формального тождества и параллелизма духовного и материального бытия. Философская мысль Восточной Азии – вне ареала распространения индоевропейских языков – не знала онтологической редукции и всегда исходила из посылки о множественности бытия, что, кстати сказать, сближает ее с философией так называемого Постмодерна. Синергия имеет отношение не к сущностям или

формам, а к определенному виду пространства или, точнее, месту, а еще точнее – к некоему абсолютному, архетипическому месту, праместу, месту-матрице, которое делает возможным существование всех вещей или, можно сказать, является вмещителем мира. В мифологеме хоры (места) у Платона или Дао (Пути) у Лао-цзы такое место именуется «матерью мира», которая порождает все вещи и, отделяясь от себя, перетекая в инобытие, каким-то образом остается собой. Таким образом, нет тождеств и различий, но всё есть подобие, все вещи вовлечены во вселенскую паутину соответствий, существуют в-месте

повсеместной совместности, которая есть также мировая совместительность. Соответственно, перво-степенное значение приобретают не сами вещи, а их эстетическая аура, ускользающая между-бытность как своего рода антракт, пауза в мировом ритме, точка одновременно наибольшей насыщенности и самого глубокого покоя. В месте совместности всё есть ровно в той мере, в какой оно не есть.

Совместность воплощает существеннейшее свойство синергии: самовозрастание бытия. Она соответствует точке сингулярности, знаменующей разрыв в любой длительности и присутствие в ней реальности более высокого порядка. Ей соответствует формула из китайской «Книги перемен»: «В смешении вещей рождается благодатная сила». Всеобщность смешения придает всему сущему статус подобия, каковое становится собой как раз в той мере, в какой отличается от себя. Другими словами, подобие, как само сознание, усиливается и само в себе возрастает посредством потери, оставления себя. Подобие – это трещина или складка бытия, в которой зияет бездна свободы. Оно, по сути, есть чистая временность, добытийное различие, которое служит матрицей бытия. Именно в свете совместности, как сказано в даосских канонах, «все вещи вмещают друг друга», и «мир спрятан в мире», ибо мир, сокрытый в себе, никогда не есть, но может быть только подобен себе. Сокрытость же мира в себе есть залог высшей целостности существования, а потому безопасности и душевного покоя, что, в свою очередь, обеспечивает наиболее полное раскрытие творческого потенциала жизни.

Теперь мы можем сполна оценить, быть может, наиболее универсальную формулу китайской мудрости, которая представлена в изречении: «Соответствуй вещам в том, что существует само по себе». Оставление себя в пространстве мировой совместности равнозначно следованию Изначальному, то есть возвращению к истоку жизненных метаморфоз, каковой есть мировая событийность всего сущего, саморазличие как всеобщее подобие. Вторая половина формулы определяет онтологическую приро-

Энсо – образ «истинной таковости»

«Таковость» – это конкретная целостность существования. Она обуславливает двойственную природу всех вещей, являющих совместность сущего и несущего, присутствия и отсутствия, и сама есть воплощенная антинормичность, ибо она является одновременно предельной конкретностью, принципом самодостаточности каждого момента существования и универсальной природы этой самодостаточности

ду реальности всеобщего соответствия. Эта природа есть абсолютная спонтанность, несотворенная «таковость» всякого существования. Ошибочно видеть в ней субстанцию, сущность, форму или идею. Грамматически «таковость» следует понимать как прилагательное или наречие. Она имеет отношение к качеству состояния или действия и требует видеть в существовании прежде всего вертикальную ось возрастания этого качества, усиления интенсивности переживания. Всё сущее, по китайским представлениям, уравнивается или едино в чистом динамизме жизни как условия и пределе всякой деятельности. Как сказал древний китайский поэт, «движения насекомых – тоже действия духа», то есть дух и материя едины не субстанционально и не в интеллектуальном «гипостазировании», а в чистой актуальности практики. Другими словами, «таковость» –

это бесконечная действенность в ограниченном действии, которая не существует вне мира вещей, но и несводима к нему. Она находится с миром форм в отношении «недвойственности». Судьба вещей и самого бытия в рамках такого мировоззрения заключается не в том, чтобы замкнуться в самоутверждении, а в том, чтобы наоборот рас-

крыться бесконечности вселенского потока со-бытий и в конечном счете – вездесущей и всегда конкретной событийственности.

«Таковость» пребывает вне предметности опыта, знания или действия. Она выступает принципом неисчерпаемой или, как сказано в даосском каноне «Дао-Дэ цзин», «в хаосе завершенной» множе- ➔

Николай Рерих. Матерь мира. 1924 год

Синергия имеет отношение к некоему абсолютному, архетипическому месту, праместу, месту-матрице, которое делает возможным существование всех вещей или, можно сказать, является вмещителем мира. В мифологеме хоры (места) у Платона или Дао (Пути) у Лао-цзы такое место именуется «матерью мира», которая порождает все вещи и, отделяясь от себя, перетекая в инобытие, каким-то образом остается собой

→ ственности бытия, великого избытия жизни. «Таковость» – это конкретная целостность существования. Она обуславливает двойственную природу всех вещей, являющих совместность сущего и несущего, присутствия и отсутствия, и сама есть воплощенная антиномичность, ибо она является одновременно предельной конкретностью, принципом самодостаточности каждого момента существования и универсальной природы этой самодостаточности. Поэтому, например, в комментарии танского императора Сюань-цзуна (VIII в.) к 26-й главе «Дао-Дэ цзин» говорится, что «таковость» «одна возносится над всеми вещами».

Словом, в «таковости» все вещи едины именно благодаря их отличию друг от друга. В классическом комментарии Го Сяна к даосскому канону «Чжуан-цзы» (III в.) так и сказано: «Чем больше вещи отличаются друг от друга по форме, тем более они едины в том, что они таковы сами по себе». «Таковость» можно назвать принципом свободной и даже, точнее, взаимно освобождающей совместности всего сущего.

Итак, природа пространства всеобщей событийности или, можно сказать, уместности каждого места – это нескончаемое саморазличие, бесконечно малое различие, дифференциальное уравнение сил. Пожалуй, его можно назвать пространством со-небытийности, ибо в нем всё удостоверяет другое и причастно всеобщности... самоотсутствия, как об этом сказано в чаньбуддийской сентенции: «Когда птицы не поют, гора еще покойнее». Птицы никак не связаны с горой, но их молчание внезапно выявляет незыблемый покой громады гор. Физическое увечье властно напоминает об отсутствующей цельности тела. Невидимое, но вездусущее смещение мест, непрерывно обновляющее мир, рождает сильное переживание, погружает в «аффект событийности», который равнозначен пребыванию в сокровенной преемственности жизни и дарует необыкновенную чувствительность духа, позволяет воспринимать малейшие метаморфозы бытия, как гениально показано

Что является прообразом синергии в человеческом бытии? Не что иное, как его самая естественная и неотъемлемая данность: присутствие тела. Конечно, речь идет не о теле в его физическом состоянии, а о теле живом, интроспективно переживаемом, что Морис Мерло-Понти (на иллюстрации) называл *corps vécu*, и потому не поддающемся локализации

Александром Пушкиным в стихотворении «Пророк». В этом мгновении духовной осиянности сходятся бесконечно далекое прошлое и невообразимое будущее, отчего оно связывает сердца глубже и крепче всяких слов. Таково действие синергии, и это действие – или, вернее, бесконечная действенность в конечном действии – имеет сущностно нравственную природу. Соответствие всех вещей возвышается до морально обязывающей ответственности.

Таким образом, синергия в человеческом обществе неосуществима вне нравственного совершенствования. Она открывает бездонную глубину просветленного сознания и дает человечеству пример нравственной прямоты. Синергия – первое условие человечности человека.

Согласно китайской традиции, принцип действия синергии есть центрированность как совместность полярных сил, встреча несходных начал, которые предполагают их взаимное уступление, даже само-

устранение. В моменте центрированности сознание, уступая инобытию, оставляя себя, в действительности пред-оставляет всему быть и тем самым проясняет себя, растет само из себя. Таков смысл «таковости» как производства самоподобия. Так божественный танцор в восточной мифологии, выходя за рамки себя, то есть как бы устраняя себя, отсутствуя в себе, воспроизводит себя и тем самым творит мир в своем танце. Речь идет, конечно, не о повторении, а о преобразении, подобии бесподобного. Точка

центрированности стягивает, вовлекает всё сущее в свой фокус. В ней есть своя ось возрастания качества и своя глубина свертывающегося пространства. Поэтому она бесконечно длит себя поверх течения времени.

Способность чувствовать момент событийности считалась в Китае главным секретом мудрого, ведь она дает власть не то чтобы над миром, но – в самом мире. Мир расцветает в пустыне уединенного, то есть бес-подобного, отличного даже

от самого себя, лишённого идентичности сознания, которое дарует всему полноту бытия, разделявая себя, разделяваясь с собой.

Что является прообразом синергии в человеческом бытии? Не что иное, как его самая естественная и неотъемлемая данность: присутствие тела. Конечно, речь идет не о теле в его физическом состоянии, а о теле живом, интроспективно переживаемом, что Морис Мерло-Понти называл *corps vécu*, и потому не поддающемся локализации. Такое тело выступает прообразом синергетической реальности в следующих аспектах.

Во-первых, живое тело, представляя собой одновременно запрeдельную цельность и чистую выра-

зительность, преломляется в множественность точек, каким и предстает тело в восточной медицине. И цельность, и точки, заметим, недоступны рассмотрению. В этом смысле тело точно воспроизводит природу «таковости» существования. Оно, как говорили китайские учителя боевых искусств, «свершается по сфере», а в предметном мире дает знать о себе как нечто, по слову Фридриха Ницше, «вневременное», плавающее во времени, *das Unzeitige*.

Во-вторых, такое тело всегда отсутствует в себе, являет собой как бы мировую телесность или, если позволить себе игру слов на основе еще одного определения Мерло-Понти, бес-плотную плоть мира как

Кишение уличной толпы, готовность нарушать все публичные правила и законы (разумеется, помимо церемониальных норм) – характернейшие черты китайской жизни, в первую очередь бросающиеся в глаза иностранцам. Этот хаос не отрицает и даже подразумевает высокую степень бытовой самоорганизации социума

«толщу опосредующей среды без вещей».

В-третьих, телесное присутствие предваряет всё сущее и является условием любого опыта и знания. Оно – анонимная мать-матрица мира и потому, будучи относимой к женскому роду, отличается определенной семантической неопределенностью. Китайская традиция говорит о «сокровенной родительнице» мира, что не мешало считать воплощением последней бородатого мудреца Лао-цзы или просто видимый мир.

В-четвертых, тело – и это обстоятельство имело особенно большое значение в традиции боевых искусств – выступает как место встречи, взаимного превращения полярных сил (присутствия и отсутствия, пустоты и наполненности, видимого и невидимого, центростремительного и центробежного движения и т. д.). Превращения, в котором генерируется имманентная сила жизни. В этом смысле тело является и средством, и средой духовного прозрения, что предполагает отвлечение от предметности тела и вместе с тем вовлеченность в телесное присутствие или, как гласит нарочито двусмысленная формула духовного бодрствования, пребывание в «пределе слушания и видения». Предельная чуткость восприятия уже неотличима от полной отрешенности от него.

В даосском каноне «Дао-Дэ цзин» мы встречаем специальные термины, которые обозначают перечисленные выше аспекты синергии. Призванием мудрого там объявляется «пособление таковости вещей», то есть благоприятствование – по необходимости скрытое – самовосполнению всего сущего. Чрезмерных индивидуалистов мудрец «смиряет первоизданной цельностью» мира, иначе говоря – вводит их в безграничную сферу вселенского резонанса. Наконец, о мудром сказано, что он «жалует всех обратным ходом», или посредством «возвращения к истоку», актом само-оставления пред-оставляет всем свободу жизненных превращений или само-восполнения.

Нетрудно видеть теперь, что пресловутый «азиатский коллективизм» имеет совсем иную природу, нежели коллективизм, свойствен- ➔

Живое тело, представляя собой одновременно запредельную цельность и чистую выразительность, преломляется в множественность точек, каким и предстает тело в восточной медицине. И цельность, и точки, заметим, недоступны рассмотрению. В этом смысле тело точно воспроизводит природу «таковости» существования

→ ный идеологиям западного Модерна (социализму, национализму, либерализму, даже консерватизму). Это не коллективизм, основанный на подчинении трансцендентной идее или принципу, а коллективизм стилиобразующего действия, не требующий подобия форм или идей, хотя он нуждается в строгой унификации самого стиля письма и даже мышления (что хорошо известно на примере великой китайской бюрократии). Подобный кол-

лективизм ничуть не предполагает «идейного единства» вовлеченных в него людей и в повседневной жизни допускает изрядную толику индивидуализма. Недаром сами китайцы называют себя «кучей песка». Кишение уличной толпы, готовность нарушать все публичные правила и законы (разумеется, помимо церемониальных норм) – характернейшие черты китайской жизни, в первую очередь бросающиеся в глаза иностранцам. Этот

хаос не отрицает и даже подразумевает высокую степень бытовой самоорганизации социума.

Таким образом, принцип «таковости» утверждает самодостаточность каждого момента существования. В его свете мир состоит из сингулярностей, которые настолько же тождественны себе, насколько отличаются от себя. Азиатская культура синергии учит быть вместе, не замечая друг друга. В том же Китае часто можно видеть, как на одной спортивной площадке увлеченно играют, не обращая внимания друг на друга, две пары команд. Для них пространство игры и есть «большое тело» социума, в котором все друг другу родные и никто не имеет субъектности. Бытие этих игроков, если воспользоваться китайскими понятиями, разделяется на внутреннее «тело-сердце» и внешнее «тело-тень». То и другое пусто, лишено идентичности и потому неспособно порождать конфликты. Чтобы сделать тело чувствительным и, следовательно, быть успешным во взаимодействии с другими, тело надо устранить, то есть сделать пустотным. Таково главное требование духовной практики на Востоке.

Подлинным основанием подобного отношения к жизни как раз и является ритуальная практика. Именно ритуал утверждает единение его участников в том, что предписывает каждому его индивидуальный статус, и тем самым разделяет их. Ритуал связывает индивидов посредством символической коммуникации и воспитывает в них вкус к безмолвной общительности. Он не позволяет сделать человеческую социальность предметом рефлексии и анализа. В ритуале социум мыслится как «мировая единотелесность», напоминающая «надвременное соборное тело» (Валериан Муравьев) в традиции русских славянофилов или, как уже говорилось выше, «плоть мира» в феноменологии имманентности Мерло-Понти.

Отличительная черта ритуального социума – наличие вертикальной оси возрастания качества, интенсификации опыта, где власть и авторитет зависят от степени внутренней центрированности, динамического покоя духа. Речь идет, как мы уже знаем, о фокусе мирового круговорота, точке вселенской событий-

ственности, в которой все вещи переходят в свое инобытие. Это «место пустоты» и является залогом подлинной общности людей, и связаны в нем люди не мыслями и даже не чувствами, а усилием само-центрирования, «выправления себя», которое, конечно, предполагает постоянное «выправление выправления». Этот поиск безупречной выверенности действия соответствовал высшей «искренности сердца» (и доверию к себе), каковая служила источником «духовной силы», оказывающей неотразимое воздействие на других. Душевный покой мудрого выправляет мир – вот главный завет китайской традиции.

Легко понять, что такое «само-превращение» равнозначно возвращению к началу всего сущего и, следовательно, восстановлению родовой полноты бытия. Мир в китайском представлении есть не что иное, как бесчисленное множество сингулярностей (традиционно именовавшихся «утонченным принципом» вещей), они же – точки самовосполнения или, можно сказать, самотипизации вещей через их рассеивание, самооставление. Социум, творимый силой самопревращения всего сущего, регулируется – точнее, саморегулируется как живое тело – не знанием, а, так сказать, просветленным неведением или, если угодно, забывчивым бодрствованием. В нем всё обретают, всё оставляя. В нем неустранима духовная иерархия, однако последняя исключает противостояние и конфликты между вышестоящими и подчиненными именно потому, что мерой власти здесь оказывается степень уступления, само-потери, которые равнозначны преодолению всего частного и субъективного ради приобщения к всеобщему порядку вещей, безмерной мощи «великого превращения» мироздания. Об этом – известная заповедь Конфуция: «Превозмогайте себя, претворяйте ритуал, и весь мир назовет вас человеческим». Здесь каждый достигает блаженной самодостаточности через преодоление индивидуального «я». И заметим, что ничтожество отдельного человека перед вселенским превращением есть оборотная сторона величия

Конфуций:

«Превозмогайте себя, претворяйте ритуал, и весь мир назовет вас человеческим»

этого человека в его причастности к мировому танцу вещей.

Сказанное позволяет понять природу двухполюсной по виду, а по сути синергийной организации общества и государства в восточно-азиатском ареале и в значительной мере во всем евразийском пространстве. В этой традиции люди едины «по незнанию», и власть представлена непостижимым, непрозрачным для эмпирического опыта и знания «небесным» символизмом имперского правления, которому противостоит столь же недоступная осознанию, необъективируемая стихия повседневности. Оба полюса не находятся в каких-либо формальных отношениях друг с другом, но именно поэтому связаны безусловным единством, тайной, но неразрывной преемственностью, как раз соответствующей принципу синергии. В азиатских традициях эти отношения, часто уподоблявшиеся отношениям между матерью и младенцем с их безмолвным, но непоколебимым взаимным доверием, имели подлинно универсальный характер. Чаще всего они трактовались как отношения между «небесным» и «человеческим» началами бытия или как отношения между отдельными органами тела, которые, выполняя совершенно определенные и уникальные функции в организме, составляют одно нераздельное

целое. Об этом говорится в древней китайской поговорке: «Зубы и губы не действуют друг для друга, но если убрать губы, зубам будет холодно». Речь идет об известных и в западной науке отношениях взаимного «полагания» различных сторон жизнедеятельности организма и психосоматической жизни. Можно вспомнить в связи с этим понятия полагания (*Anlehnung*, *Anaclisis*) у Зигмунда Фрейда и Корнелиуса Кастириадиса.

Власть на Востоке есть, в сущности, право отмечать порядок вселенской гармонии – бесконечно разнообразной и всё преобразующей. Эта власть абсолютна, ибо она происходит из первозданной целостности синергии, предшествующей оппозиции субъекта и объекта, а также всякой предметности. Невозможно ее оспорить и тем более ей противостоять, ей можно только (на)следовать, возводя существование к его родовой полноте. Ее природа хорошо определена в характеристике, данной одному персонажу даосского канона «Чжуан-цзы»: она «направляет течение вещей, храня в себе своего предка». Как видим, «предок» (мировая единотелесность) и явления мира составляют определенную иерархию, но эта иерархия снимается благодаря самоотрицательной природе абсолюта: «предок» целиком переходит в мир вещей, поскольку не принадлежит себе, каждое мгновение «оставляет себя», переходит в «иное». Он есть, по сути, чистая выразительность, чудесное «явление», превосходящее всё явленное. Оттого же мудрый способен незримо, но неотразимо воздействовать на мир, направлять течение событий. И это воздействие тем сильнее, чем сокровеннее его присутствие.

Перед нами мир, который «сокрыт в самом себе», существует в разрыве и пределе опыта, в зазоре вездесущей между-бытности, в собственной складке; мир, где всё на виду, присутствует в другом (и отсутствует в себе), но никто ничего не видит. В таком мире не может быть формального единства. И сама власть в евразийском пространстве предстает в двух как бы несовместимых видах. С одной стороны, власть часто выступает в личине «восточ- ➔

**Власть на Востоке есть, в сущности, право
отмечать порядок вселенской гармонии –
бесконечно разнообразной и всё предвещающей.
Эта власть абсолютна, ибо она происходит
из первозданной целостности синергии,
предшествующей оппозиции субъекта и объекта,
а также всякой предметности**

➔ ного деспотизма», ничем не ограниченного самовластия. В этом качестве она представляет избыточность жизненной трансценденции, соответствующей имперскому началу в политике. С другой стороны, власть сама подчиняется принципу следования и в конечном счете пред-оставления всем вещам свободы быть. Она не вправе вступать в конфронтацию или даже напрямую воздействовать на что-либо, она оправдывается своим инобытием. Эта власть допускает только текучие, ролевые, символические по своей природе идентичности. В сущности, она неотделима от ритуала и самой игры бытия и именно поэтому разыгрывается со всей серьезностью.

Мы видим действие принципа синергии в самом способе глобализации Китая посредством распространения по всему миру так называемых китайских кварталов, или чайна-таунов. Чайна-таун – пространство производства и потребления глобальной китайской мечты, заданная всем строем китайского мировоззрения фабрика подделок-

симулякров в отсутствие подлинников, по определению аполитичная. Его политическая индифферентность воспроизводит природу синергетической цельности как всеместительного (не)схождения, разрыва в потоке жизни. Чайна-тауны везде и всегда находятся с окружающим социумом в отношениях некоего симбиоза, творящих гибридные формы культуры в самых разных областях жизни – от кухни до промышленных брендов. Однако чайна-тауны – лишь продолжение отношений, на которых выстроено само китайское общество и, как легко предположить, ступень к синергичной со-организации цивилизаций в мировом масштабе. Их отношения с внешним обществом, возможно, указывают на характер отношений между двумя метацивилизационными мировыми системами, которые можно назвать евро-азиатской и евро-американской. Отношения между ними будут иметь принципиально неопределенный характер, ибо им суждено остаться невидимыми и даже неопознаваемыми друг для друга.

Надо заметить, что евразийское пространство имеет свою, так сказать, цивилизационную и геополитическую глубину. В нем на бескрайних просторах степей, равнин и лесов отдельные люди и целые народы свободно перемещаются, перемешиваются и легко переходят от крайней враждебности к сердечной дружбе и наоборот. Такова низшая ступень евразийской синергии, которая характеризуется отсутствием устойчивых форм артикуляции человеческой социальности. Дружба русского офицера Арсеньева и «инородца» (выделяю это слово, поскольку «инородец» означает также «единородец») Дерсу Узала – хорошая иллюстрация такого рода спонтанных отношений. В российской цивилизации уже в силу чисто географических факторов очень заметно и сильно наследие этой первичной страты, или ступени, евразийской общности. Россия находится между двумя миросистемами и выступает в мире скорее как начало испытующее, бросающее вызов всем цивилизационным нормам. Свойственные русскому менталитету шутовство и пародирование всех идеалов и образцов неотделимо от высшей искренности сердца. Поскольку нормы мышления, культуры или общества всегда в известной мере условны и тем самым благоприятствуют лицемерию, Россия выступает как фактор предельной духовной искренности.

Но Евразия потому и грезила искони о великой империи (полнее всего реализовавшейся в Среднем царстве восточноазиатских народов, которое не равнозначно Китаю), что примитивная свобода общения может быть упорядочена и сублимирована в ритуале – подлинной сердцевине евразийской метацивилизации. Ритуал не отменяет первичной правды человеческой встречи, не подменяет ее метафизическими истинами и религиозными догматами. Он эту правду артикулирует и усиливает, внося в нее нравственный пафос. «Если ритуал утерян, ищите его среди дикарей», – говорил, по преданию, Конфуций.

Евразия не знает трансцендентных принципов, идей, форм, сущностей, которые могли бы служить идеальной моделью или образцом действительности. Евразийский

мир, как уже было сказано, – это плотная сеть узлов, точек скрещения сил, взаимных отражений, одними словом – интерактивное пространство, в котором свершается таинство самопревращения сущего, возрастания качества. В преемственности первоначальной, еще ничем не обусловленной встречи и предельно утонченного, досконально осознанного общения или, говоря языком даосской традиции, «сокровенной сообщительности», которые свершаются до и поверх всех условностей культуры, – секрет устойчивости евразийского мирознания и структурного единства евразийского мира от Балтики до Японского моря.

Таким образом, принцип синергии в евразийском мире имеет три основных измерения.

Во-первых, онтологическое измерение как единство-в-различии, совместность в повсеместно-совместительном месте, событийность всех событий и превыше всего – сущего и несущего, видимого и невидимого, внутреннего и внешнего миров. Синергия утверждает – или, лучше сказать, освобождает – существование всех вещей, возводя его к высшей цельности, которая превосходит оппозицию порядка и хаоса, единого и множественного, ограниченного и безграничного.

Во-вторых, измерение практическое, в том числе политическое. В нем синергия предстает как недвойственность всеобщности символического «небесного» порядка и актуальности повседневного существования. В свете синергийного принципа одно не отличается от другого, хотя то и другое – величины несопоставимые, принципиально несходные. Их общее основание – имманентность жизни «как она есть», что в конечном счете снимает противостояние возвышенного и низменного, священного и мирского и служит благодатной почвой для так называемого бытового исповедничества, характерного для Евразии. Имманентность религиозного идеала благоприятствует отождествлению последнего с человеческими практикой и техникой во всех их формах, что зафиксировано, помимо прочего, в популярной китайской поговорке: «Когда свершится путь человека,

путь Неба свершится сам собой». Другими словами, человеческая практика и есть высшая реальность, что обусловило легкость восприятия западного гуманизма на Востоке в эпоху Модерна с его представлением о человеке как господине космоса и одновременно придало ему «постгуманитарные» свойства, сближающие азиатский «небесный гуманизм» с предчувствием эры «постчеловеческого» на Западе.

В-третьих, историко-культурное измерение. Оно представлено двумя последовательными стадиями, или ступенями, развития евразийского мирознания. Первая из них соответствует свободным формам отношений, регулируемым лишь базовыми практическими или эмоциональными факторами. Россия уже в силу чисто географического фактора представляет в основном именно этот уровень доцивилизационной организации, что определяет ее уникальное место в мировой истории. Вторая стадия характеризуется всё более тщатель-

ной артикуляцией межличностных отношений, основанной на рефлексии об изначально заданной, совершенно естественной связи членов общества. На этом этапе в человеческой практике возникают устойчивые нормативность и иерархия, а также возможность и даже потребность в духовном совершенствовании. Наиболее полно данная стадия развития евразийского мирознания представлена в общем для всех народов Восточной Азии идеале Срединной империи (империи Центрированности!) – идеале культуроцентричном и наднациональном по своей природе.

Нужно подчеркнуть, что социум и сама общественная природа человека в евразийской картине мира конституируются не рациональным знанием сущностей и, следовательно, ясной идентичности всех вещей, а именно разрывом в опыте, пределом знания, сокровенной глубиной складки, которая как раз и позволяет постулировать не-двойственность всего сущего. Евразийский →

Мы видим действие принципа синергии в самом способе глобализации Китая посредством распространения по всему миру так называемых китайских кварталов, или чайна-таунов. Чайна-таун – пространство производства и потребления глобальной китайской мечты

Чайна-таун в Нью-Йорке

В евразийском пространстве отдельные люди и целые народы свободно перемещаются, перемешиваются и легко переходят от крайней враждебности к сердечной дружбе и наоборот. Дружба русского офицера Арсеньева и «инородца» (выделяю это слово, поскольку «инородец» означает также «единородец») Дерсу Узала (на фото) – хорошая иллюстрация такого рода спонтанных отношений

→ мир основан именно на не-знании – или, если угодно, на положительном незнании, – которое является условием спонтанного, истинно творческого действия синергии. Но эта глубина складки соответствует природе сознания и переживается самым непосредственным и внутренне убедительным образом. Синергия есть принцип творческой и в полном смысле слова свободной жизни, не поддающейся формально-логическим ограничениям. Разнообразие хорошо уже тем, что в нем больше истины. А неисчерпаемое разнообразие жизни высвобождается строжайшей дисциплиной само-выправления. Совместность того и другого выражает особый этос открытости бездне жизненных превращений – этос вольной дружбы тех, кто видит жизнь неуклонным уклонением, «благодатной ошибкой».

Взгляд на Евразию в свете принципа синергичности бытия позволяет по-новому оценить одну необъяснимую в западной системе координат особенность политического уклада в евразийском ареале. В западной литературе и особенно политизированной публицистике часто отмечается – не без внутреннего удовлетворения – «одиночество», «изоляция» России и Китая, якобы неспособных создавать устойчивые коалиции и политические союзы. В свете сказанного о главенстве принципа синергии в евразийской картине мира и евразийской геополитике это мнение нуждается, как минимум, в серьезной корректировке. Пресловутое «одиночество» крупнейших дер-

жав Евразии оказывается не чем иным, как следствием того же принципа синергии, заменяющего формальные договоренности «чудесным совпадением» противоположностей, отношениями спонтанной «совместности» и самоорганизации, свободного культурного обмена и взаимопомощи, в широком смысле – ориентацией на согласование, притом исключительно в актуальной ситуации, очень разных сил и ценностей. Общие для всей Восточной Азии принципы внешней политики выражены в древней китайской формуле: «Быть вместе,

не имея союзов». Такая позиция предполагает восхождение от взаимного соответствия в отношениях к нравственно обязывающей ответственности отдельных личностей, народов и государств.

Культурные нормы Евразии показывают, каким образом политика и мораль могут сойтись непосредственно в общественной практике народов. Напротив, западная идея фиксированной идентичности обязывает делить мир на друзей, скрепленных союзническими отношениями, и врагов, наделяемых иной и негативной идентичностью. Западное мышление требует создания политических партий и блоков, тогда как на Востоке политика осуществляется в пространстве неопределенной, но интимно заданной жизненной общности. Отсюда тяготение к партиям «всенародного» типа, даже независимо от характера политического режима (Партия государственного народа, Партия любви к народу, Партия народного действия и т. д.) и порой, как в Корее, с выплесками национального честолюбия (например, Партия великого государства). Россия тоже принадлежит к этому виду политической организации.

Сказанное позволяет сделать три важных вывода относительно при-

На Востоке политика осуществляется в пространстве неопределенной, но интимно заданной жизненной общности. Отсюда тяготение к партиям «всенародного» типа, даже независимо от характера политического режима

Деталь картины «Добрые люди счастливо выбирают правительство». 1950 год

роды и организации грядущего евразийского содружества.

Во-первых, евразийское содружество действительно основывается на совместности и даже, можно сказать, со-вместительности его устройства по известному принципу восточной мысли: «вещи вмещают друг друга», «тьма вещей – как сеть, в которой нет начала» («Чжуан-цзы»). Поистине, разделяя мир, мы на самом деле разделяем нашу совместность.

Во-вторых, между-бытность само-различия утверждает бесконечность в самой конечности всего сущего или, точнее, всего, что бывает. В нем и благодаря ему становится возможной сама освобожденность свободы. В фольклоре русских казаков недаром воспевается «вольная воля», и последняя с неумолимой закономерностью соотносится с пределом человеческой конечности – смертью.

В-третьих, евразийское содружество не нуждается в трансцендентных или просто формальных принципах организации общества и политики. Азиатские общества, не исключая России с ее приверженностью к ритуалистической религии, сплочены не идеями и даже не ценностями, а опытом постижения истоков сознания, которым обеспечивается нерушимое единение людей вне и помимо общественных институтов. Образцом социума синергии является школа как метод и практика передачи опыта родовой полноты бытия (жизненной мудрости) в сообществе индивидуально очень разных учеников. Надо признать, что в рамках синергичного уклада отношения между властвующими и управляемыми, посвященными и профанами, учителями и учениками остаются непрозрачными для вторых и регулируются не рациональным знанием, а стихийным доверием наподобие доверия ребенка к старшим в семье. Но это обстоятельство не вызывает конфликтов, поскольку авторитет старших основывается на нравственном усилии «оставления себя», преодоления в себе эгоистических поползновений.

Политически евразийское пространство отличается, можно сказать, глубинной нейтральностью: оно способно вместить в себя самые разные политические режимы –

или, другими словами, имеет метаполитический базис. Событийность и сообщительность указывают путь «из монады в номады», устанавливают связь между «небесным» и «земным» полюсами общественной практики, пред-оставляют свободу проявлениям человеческой социальности, то есть воистину очеловечивают человека. Ибо человек

в конечном счете следование Изначальному. Следование не требует усилий и не терпит произвола. Оно есть архетипический, бесконечно действенный жест, который предваряет или, лучше сказать, предвосхищает всё сущее подобно тому, как в пространстве совместности подобие предшествует сущности. Оно есть форма гармонизации

Евразийское содружество действительно основывается на совместности и даже, можно сказать, со-вместительности его устройства по известному принципу восточной мысли: «вещи вмещают друг друга», «тьма вещей – как сеть, в которой нет начала» («Чжуан-цзы», на иллюстрации)

доподлинно становится человеком, когда ему «негде преклонить голову».

Опознание природы евразийского мира станет прорывом в деле выработки универсального, ко всему человечеству обращенного и подлинно человеческого пути развития как сбережения полноты форм жизни. Запад породил активистский, субъективной волей направляемый и по сути насильственный способ управления как использования природного материала, который в своем пределе и в человеке обязывает видеть только расходный материал. Этот путь по определению не может быть всемирным, и опыт России, пожалуй, яснее всего об этом свидетельствует. Стратегия синергии, утверждающая свободную совместность и, как следствие, взаимное высвобождение людей, напротив, возводит всех участников игры бытия к родовой полноте жизни и, следовательно, к бессмертию. Она не «пускает в расход» человека, а напротив, обогащает всех ее делателей и последователей. Действие воистину действительно, только когда оно есть со-действие и

ции и синергии всех уровней и сил бытия (вспомним прекрасное русское слово «чинопоследование»). В основе всечеловеческой цивилизации – или цивилизации всечеловечества – может лежать только такое великое действие, как самосвидетельствование того, что в великих традициях Евразии именуется «мировой единотелесностью», «великим соборным телом» человечества.

В конце концов, главная трудность в опознании и осмыслении природы евразийского единства имеет всецело познавательный характер: открытие Евразии требует необычайно обостренной духовной чувствительности и, следовательно, долгих и методически выверенных усилий духовного совершенствования, присутствия «расширенного», со-вместительного сознания. В евразийском мире человек ценится не в силу каких-то естественных и врожденных прав, а в меру его духовной зрелости. Именно Евразия откликается призыву Ницше превозмочь в себе все «слишком человеческое», чтобы стать... настоящим человеком. ■